

УДК 94(470+571.6):338:351.746

© В. А. Иващенко, 2011

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ОГПУ ПО ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ КОНЦЕССИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1923–1930-е гг.

Иващенко В. А. – ст. преп. кафедры «История Отечества, государства и права», тел. 8-924-222-33-92, e-mail: René1976@ Rambler.ru (ТОГУ)

Привлечение иностранного капитала и концессионеров для восстановления и модернизации советской экономики на Дальнем Востоке носило противоречивый характер в политике Советского государства. Было необходимо внедрение в деятельность концессионеров эффективного контроля органов полномочного представительства ОГПУ в Дальневосточном крае, которые выработали свою методику в системе обеспечения экономической безопасности советского режима в концессионной деятельности. Органы государственной безопасности стали и одним из основных инструментов в руках партийного аппарата при сворачивании концессионного процесса.

Attraction of foreign capital and concessioners for restoration and modernization of the Soviet economy in the Russian Far East had politically contradictory pattern for the Soviet state. In this regard it was necessary to promote an effective control over the concessioners' activity by bodies of the Plenipotentiary Agency of the Joint State Political Directorate in the Russian Far East region. Those bodies elaborated their own methods in system of ensuring the economical security of the Soviet regime in concession activity. The bodies of State Security became one of the basic tools in hands of the party apparatus while curtailing the concessional process.

Ключевые слова: восстановление советской экономики на Дальнем Востоке, концессионеры и иностранный капитал, дальневосточные органы государственной безопасности, полномочное представительство (ПП) ОГПУ в Дальневосточном крае (ДВК), экономический и контрразведывательный отделы ПП ОГПУ в ДВК, Дальконцеском, контроль над концессиями.

Изучение опыта привлечения иностранных предпринимателей и их капитала для развития отечественной экономики в особых условиях Дальневосточного региона в сложный переходный период после окончания Гражданской войны и иностранной интервенции, в ходе восстановления экономиче-

ского потенциала Дальнего Востока, имеет большую актуальность в современной России в условиях развития рыночной экономики и стремления ежегодного наращивания иностранных инвестиций.

Американский исследователь Д. Стефан указывает, что концессионная политика преследовала как политические, так и экономические цели, давая неоднозначную оценку концессионной политике [13]. С одной стороны, он отмечает, что концессии, безусловно, сыграли положительную роль для Советского государства, поскольку за счет иностранного капитала была реанимирована находившаяся в упадке к этому времени советская экономика, модернизирована рыбная промышленность, и так далее. С другой стороны, американский историк указывает на то, что тем самым был финансово подкреплен советский режим, и центральной власти удалось установить полный контроль над периферией, перенесены директивные методы экономики и на окраинные территории.

Не меньшую значимость представляет вопрос о контроле над концессионными предприятиями со стороны органов государственной безопасности, который на региональном уровне практически не исследован.

Из немногочисленных работ, посвященных деятельности чекистов по работе с концессиями, можно выделить работу А. М. Плеханова [14], ставшую первой и единственной пока попыткой комплексного анализа органов госбезопасности на протяжении целого исторического периода – НЭПа, труд О. Б. Мозохина [15], в котором наравне с анализом борьбы чекистов с экономическими видами преступлений исследуется работа ВЧК-ОГПУ с концессионерами, в т. ч. Японскими, в Дальневосточном регионе. В его совместной работе с А. Ю. Епихиным анализируется проблема деятельности органов ВЧК-ОГПУ по борьбе с коррупцией при защите экономических интересов государства в концессионной политике [16], в т. ч. с учетом работы дальневосточных чекистов.

Целью данной работы является анализ работы дальневосточных органов государственной безопасности в отношении иностранных, преимущественно, японских концессий и роли ОГПУ в сворачивании деятельности концессий в Дальневосточном регионе. В ней в научный оборот введены ранее неисследованные архивные источники.

Хронологические рамки работы обусловлены следующим. Нижняя граница – начало восстановления экономического потенциала Дальневосточного региона, разрушенного Гражданской войной и иностранной интервенцией, и, соответственно, привлечением для этого концессионеров, а также созданием Полномочного представительства ОГПУ на Дальнем Востоке в 1923 г., а верхняя – сворачивание концессионного процесса в стране в целом и на Дальнем Востоке в частности с помощью органов государственной безопасности, в 1930-е гг.

Проблема привлечения и использования иностранного капитала возникает с самого начала становления советского режима. Вообще иностранный капитал плохо сочетался с коммунистическими идеалами, но жизненные ре-

лии заставили большевистское руководство пойти против идеологических принципов. Разрушенное во время Гражданской войны хозяйство страны нужно было восстанавливать, и одним из подходов к решению этой проблемы было создание концессий¹. Иностранные концессии на Дальнем Востоке рассматривались В. И. Лениным как необходимый этап на пути дипломатического признания большевистской власти на международной арене, как средство предотвращения объединения США и Японии против советского режима.

Создание концессий преследовало и цель – прорыв политической и экономической блокады страны, так как налаживание отношений с иностранными фирмами вело к признанию Советской власти в России иностранными государствами. Но отношение различных государственных органов к предоставлению концессий иностранцам было крайне неоднозначным. Были различные подходы к экономической целесообразности создания концессионных предприятий на советской территории. При этом большинству компетентных органов этот вопрос представлялся существенной проблемой и в идеологическом плане, а самое главное, в потенциальной возможности подрыва безопасности советского режима и государства на территориях, отданных концессионерам в эксплуатацию.

Для Дальнего Востока проблема восстановления хозяйства и его эффективного использования с помощью иностранцев стояла гораздо острее, чем в целом по стране. Это объяснялось более поздним окончанием Гражданской войны и, соответственно, задержкой включения региона в процесс восстановительного периода. И не менее важным фактором являлось приграничное, окраинное положение региона, что создавало угрозу отторжения этой территории от СССР. Такая специфическая экономическая модель, как концессия, могла в определенной степени способствовать этому. Поэтому изначально данные вопросы предполагалось решать при непосредственном участии органов государственной безопасности [17] – в частности, на Дальнем Востоке под контролем полномочного представительства (ПП) ОГПУ.

Кроме того, политический аспект выражался в том, что вопрос о концессиях являлся важным орудием советской дипломатии. Обращая внимание и на региональную специфику, нужно указать, что Советское правительство из-за отсутствия необходимых ресурсов и кадров не могло уделить в то время должного внимания отдаленной территории. Более того, концессионное хозяйство могло способствовать не только привлечению в промышленность Дальнего Востока солидных инвестиций, но и колонизации эксплуатируемых районов путем привлечения рабочей силы.

---

¹ Концессией называлась передача на исключительную разработку и пользование частным владельцам, чаще иностранным, какой-либо государственной деятельности (добыча каменного угля, нефти, разработка леса, пользование железными дорогами и т. д.). Возможны были такие концессии, когда в руки концессионера могли передаваться целые территориальные области, где он был вправе извлекать свою выгоду.

Итак, дальневосточное руководство было заинтересовано в быстром экономическом восстановлении своего региона, в частности, через привлечение концессионеров. В 1920–30-е гг. на Дальнем Востоке существовало 24 концессии, что составляло 31,57 % от 76 «чистых» концессий, действовавших в стране [18]. По своему национальному происхождению концессии были английскими, норвежскими, американскими, существовала даже одна финская, а в силу территориальной близости и особой заинтересованности в дальневосточном сырье огромный пласт концессионных объектов смогли получить в разработку в основном японцы [19]. Еще в декабре 1924 г., т. е. до подписания Конвенции 1925 г. с японцами, представитель Дальэжкосо² в Москве Н. Мер выразил секретарю Дальбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Кубяку свое мнение о создании японских предприятий на Дальнем Востоке, и в частности, о создании японских угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине. По его мнению, с точки зрения интересов развития промышленности Дальнего Востока, не затрагивая политической стороны вопроса, эти концессии не представляли угрозы. Считалось, что дальневосточный регион, даже исключая Сахалин, располагал достаточными ресурсами топлива, обеспечивающими полную возможность развития дальневосточной промышленности на долгие годы [21].

Таким образом, при подписании договоренностей с японцами учитывался и подход, предполагающий разные сценарии развития событий – вплоть до отторжения Северного Сахалина от СССР, т. е. возможности утверждения там снова Японии посредством создания своих концессий. В то же время установка на интенсификацию восстановления Дальневосточного региона всевозможными средствами одержала верх. При этом велись скрупулезнейшие переговоры между японскими фирмами, направленными японским правительством, и представителями Главконцесскома о предоставлении японцам в длительное пользование участков на Северном Сахалине для добычи угля и нефти. Советская сторона при выработке совместного решения стремилась навязать японцам условия, преследующие интересы СССР [21], но приоритеты выбирались, исходя, прежде всего, из административных, а не экономических задач.

Для проведения концессионной работы на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. была создана разветвленная, многоступенчатая сеть государственных органов, в которых отразились не только административные, но и ведомственные подходы в организации концессионирования. Главнейшей задачей в русле «директивной мысли» стала организация как можно более действенного контроля и наблюдения за концессионерами со стороны различных советских государственных органов. Такая деятельность в регионе

---

² Областное экономическое совещание при Дальревкоме. Дальэжкосо было создано 4 декабря 1922 г. для координирования и общего направления деятельности органов народного хозяйства на Дальнем Востоке. В. И. Ленин придавал большое значение созданию экосо на местах [20].

осуществлялась непосредственно на месте Дальневосточной концессионной комиссией Главного концессионного комитета при СНК СССР, созданной почти сразу после установления на Дальнем Востоке Советской власти, распорядительным бюро Дальревкома в марте 1923 г. И уже в ноябре этого года Дальревком в целях достижения планового порядка в деле осуществления концессионной политики на Дальнем Востоке предписал всем организациям сдать все материалы, связанные с концессионной политикой, в Дальконцеском. Кроме того, все взаимоотношения как с центральными и местными органами власти, так и с концессионерами впредь должны были осуществляться именно через Дальконцеском [22]. К ее ведению относилось обеспечение контроля по заключению концессионных договоров, вопросы общего руководства по делам участия иностранного капитала в предприятиях, действующих на территории края, заключение концессий, рассмотрение проектов концессионных договоров, уставов акционерных обществ. Дальконцеском обеспечивал государственный контроль при рассмотрении заявок и подготовке концессионных договоров с иностранными предпринимателями, соблюдая при этом не только интересы народного хозяйства Дальнего Востока, но и общегосударственные. Кроме Дальконцескома существовал еще целый ряд вспомогательных и связанных с ней органов (Дальрыба, Дальпромбюро с уполномоченными по концессиям и т. д. [23]).

Особая же роль как в политическом, так и экономическом контроле над концессиями в регионе, разумеется, была у полпредства ОГПУ на Дальнем Востоке. По решению Далькрайкома ВКП(б) одной из важнейших задач дальневосточных чекистов являлось их пристальное внимание за концессионными предприятиями, действовавшими в регионе [24].

Это ведомство осуществляло общее наблюдение за работой Дальконцескома, ее подразделений. Полпред ОГПУ на Дальнем Востоке в обязательном порядке входил в ее состав [25] и мог полностью контролировать ее деятельность. Кроме общего наблюдения дальневосточные чекисты непосредственно давали рекомендации по замещению вакантных должностей в Дальконцескоме и всех других органах, занимавшихся политикой концессионирования. Рекомендации давались после тщательной проверки кандидатов, которая предусматривала изучение образа жизни, фактов биографии, уделялось внимание контактам с иностранными лицами, выяснялось, не было ли ранее судимости или не принадлежал ли к антисоветским партиям, не арестовывался ли органами ОГПУ, нет ли родственников-белогвардейцев и т. д.

Экономическим отделом полпредства ОГПУ в ДВК составлялись на сотрудников концессионных органов характеристики, в которых наряду с биографическими сведениями и сведениями о родственниках, находящихся в эмиграции, давалась оценка их деятельности и соответствия занимаемой должности. При несоответствии занимаемой должности ЭКО ОГПУ давало рекомендации по замещению рассматриваемым лицом другой должности или же ставило вопрос об увольнении.

Также КРО и ЭКО полпредства ОГПУ на Дальнем Востоке велись непосредственное наблюдение за концессиями в регионе и их оперативная разработка.

Под прикрытием деятельности концессий иностранные государства, главным образом, Япония стремились к утверждению своих как экономических, так и социально-политических интересов на территории советского Дальнего Востока. Японцы четко осознавали, что по мере усиления экономического роста СССР советский режим «приступит к полному изгнанию всех японских концессионеров по рыболовной, нефтяной, лесной и угольной части с советской территории»³. Через концессионные и различные торгово-промышленные предприятия они концентрировали вокруг себя антисоветски настроенные элементы [27], которых в регионе в это время было немало [28] даже в подразделениях ОКДВА [26]. Помимо этого, японские бизнесмены и японская агентура, бывшая с ними в тандеме, внедрялись в советские предприятия и учреждения посредством использования неосмотрительности и излишней открытости ряда сотрудников этих организаций по отношению к иностранцам [29].

Посредством концессий японцы стремились во что бы то ни стало (заселение приграничной полосы и т. п.) укрепиться на северном Сахалине [30], возникла опасность колонизации японцами Камчатки [31]. Исходя из этого, уже в 1927 г. по инициативе полпредства ОГПУ в ДВК вводится достаточно жесткая система взаимодействия с концессионерами, поэтому Далькрайисполком издал специальный циркуляр, принуждавший все советские предприятия и учреждения региона, сотрудничающие с концессионерами, ставить в известность местных чекистов обо всех подозрительных случаях в ходе работы с иностранцами [32].

В связи с контролем за деятельностью концессий экономические подразделения полпредства ОГПУ на Дальнем Востоке производили осуществление надзора за правильностью производства операций [33], возникающими злоупотреблениями [34] и хищениями, за исправностью средств связи и передвижения, за правильностью учета и отчисления, установленных по концессионным соглашениям норм добытого сырья и его продажами потребителям на местах [35], его качеством, умышленной или по халатности порчей и уничтожением и т. д.

Отслеживали иностранные фирмы, в первую очередь японские, стремящиеся в обход концессионного процесса разрабатывать лес и другое сырье в ряде областей ДВК, категорически пресекая подобную деятельность нарушителей [35]. Решение местными чекистами этой задачи предполагало предоставление ими рекомендаций о целесообразности продолжения тем или иным

---

³ Мнение японского военного атташе при японском посольстве в Москве Касахара, высказанное в составленном им в 1932 г. документе «Соображения относительно военных мероприятий Империи, направленных против Советского Союза», перехваченном ОГПУ и представленном И. В. Сталину [26].

предприятием концессионной деятельности на территории Дальнего Востока. Например, в работе японских угольных концессионных предприятий «Сакаи Кумиай» и «Цукахара Кумиай» была отмечена их «полная бездеятельность», о чем информировался центр: Главконцеском и другие заинтересованные ведомства [36]. В отношении японского концессионного предприятия «Рорио Риигио Кабусики Кайся», не занимавшегося капитальными вложениями на территории региона и проводившего незначительные валютные операции через японский Чосен-банк во Владивостоке, в 1928 г. было вынесено заключение, что ущерба от прекращения деятельности этой концессии не будет [37]. Таким образом, определялось наблюдение за концессией, которое гарантировало бы исполнение договора и предотвращало убытки.

При этом стоит отметить, что Ф. Э. Дзержинский еще в конце 1923 г. писал, что контроль над деятельностью концессионеров со стороны ОГПУ необходим, но кроме плана наблюдения должен быть и план содействия им в пределах договора. Без этого наблюдение на практике может превратиться в борьбу с концессиями [38]. Поэтому работа органов государственной безопасности сводилась не только к наблюдению за концессионной деятельностью. В своих отчетах по конкретным концессиям отдавались и рекомендации по предоставлению помощи перспективным предприятиям (снижение налогов, предоставление кредитов и т. д.).

Как только стал развиваться концессионный процесс на Дальнем Востоке, в полпредстве ОГПУ начинают рассматриваться уголовные преступления, связанные с концессионной деятельностью [39]. Полпредство ОГПУ в ДВК было вынуждено заниматься и разрешением конфликтных ситуаций, возникающих в ходе производственной деятельности концессионеров на советской территории. Необходимо признать, что вербовка и завоз отечественной рабочей силы, осуществляющиеся советской стороной по всей стране и концентрировавшейся в г. Владивостоке для отправки на концессионные предприятия, проводились таким образом, что заявки концессионеров полностью не выполнялись и завоз набираемой рабочей силы зачастую происходил из деклассированных элементов [40]. Полпредство ОГПУ в ДВК стремилось к фильтрации рабочей силы, завозимой на Сахалин и Камчатку, путем получения завербованными рабочими специальных пропусков от органов ОГПУ, но несмотря на это вербовщикам удавалось переправлять на концессии в т. ч. уголовников, «восточников» и прочие ненадежные элементы, что очень сильно беспокоило дальневосточных чекистов [41]. А главное, такая работа хозяйственников во взаимодействиях с иностранными предпринимателями приводила к возникновению проблемных ситуаций на концессионных предприятиях. Например, в октябре 1927 г. русским рабочим – неким слесарем Стрельцовым – был убит Мунема Сайсбура, заведующий трудовым отделом японской концессии в Дуэ на Сахалине, уволивший Стрельцова [42]. Это произвело большой резонанс на деятельность японской концессии, служащие которой в массовом порядке заявили о своем желании выехать в Японию. Дело начало приобретать характер дипломатического разбирательства, в кото-

ром японцы, воспользовавшись этим событием, стали требовать не только пенсионного обеспечения родственников убитого и извинений со стороны правительства СССР, а даже пересмотра концессионного договора в сторону изгнания советских рабочих из концессии, и ввода японских войск для охраны концессии [42]. Для недопущения развития конфликта дальневосточные чекисты в кратчайшие сроки провели расследование данного преступления, и выявили всех виновных в его совершении, представив его исключительно бытовым характер.

Усиление роли органов госбезопасности в контроле над концессиями происходит на рубеже 1920–1930-х гг., когда сталинским режимом был взят четкий курс на сворачивание концессионной политики. В 1931 г. прекращает свое существование Дальконцеском, и официальные надзорные функции сосредотачиваются в ведении ВСНХ. Кроме того, над японскими концессиями на Сахалине утверждается особый контроль Наркомтяжпрома СССР [43], и по инициативе Москвы усиливается надзор чекистов за японскими концессиями на Сахалине [26]. Для тотального контроля над ними на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) дальневосточные чекисты с сентября 1933 г. начали проведение паспортизации всего населения на советской части территории Сахалина, обращая «особое внимание на принятие решительных мер по выселению политически ненадежных и уголовных элементов из районов, близлежащих к японским концессиям» [26].

А краевой центр практически исключается из системы наблюдающих органов за еще действующими концессиями [23]. Соответственно, в рамках этой линии советского режима по отношению к иностранным концессиям еще больше усиливается значение ПП ОГПУ ДВК в контроле над этими предприятиями. Постановлением Совнаркома СССР от 2 мая 1933 г. [44] дальневосточные чекисты совместно с уполномоченными Наркомата иностранных дел и Наркомата тяжелой промышленности на Дальнем Востоке образовали постоянное совещание по концессионным делам при Далькрайисполкоме с филиалом при Сахалинском облисполкоме. Такие совещания были чисто внутренними органами, не вступающим ни в какие взаимоотношения с концессионерами и не представлявшие официальную позицию от имени государства. Но участие в их работе было обязательным для всех учреждений и организаций, в той или иной мере соприкасающихся в своей работе с концессиями. Дальневосточные органы госбезопасности вместе с другими заинтересованными ведомствами проводили информирование и согласование действий руководителей этих организаций в отношении работы с концессионными предприятиями [44], в едином русле концессионной политики сталинского режима, утвердившемся в 1930-е гг., направленном на сворачивание концессионной деятельности в СССР. Если в 1920-е гг. роль органов государственной безопасности можно определить, как вспомогательную? и они были определенным катализатором уже проводившихся процессов в экономике, то в 1930-х гг. ситуация начала меняться. С этого времени советская экономика существенно зависела от эффективности деятельности сило-

вых структур, в первую очередь ОГПУ, а затем НКВД, НЭП, по известному выражению И. Сталина, окончательно был «послан к черту».

Библиографические ссылки

1. *Российский Государственный исторический архив* Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 2422 (Фонд Дальневосточного революционного комитета).
2. *Государственный архив* Хабаровского края. – Ф.П-2 (Фонд Дальневосточного краевого комитета ВКП(б)).
3. *Государственный архив* Хабаровского края. – Ф. 137 (Фонд Дальневосточного краевого исполнительного комитета).
4. *Лубянка*. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Док. высш. органов партийной гос. власти / Январь 1922–декабрь 1936 / Под ред. А. Н. Яковлева. – М., 2003.
5. *Stephan J. J.* The Russian Far East. A History. – Stanford, California, 1994.
6. *Государственный капитализм* в промышленности Дальнего Востока в переходный период от капитализма к социализму. – Владивосток, 1968.
7. *Индустриализация Советского Союза*. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. – Ч. 2. – М., 1999.
8. *Марьясова Н. В.* Иностранный капитал на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. (концессии и концессионная политика Советского государства). – Владивосток, 2000.
9. *Мозохин О. Б.* ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. – М.: Изд-во Яуза; Изд-во Эксмо, 2004.
10. *Иващенко В. А.* Антисоветские настроения населения (по материалам оперативных данных ОГПУ ДВК) // Россия и АТР. – № 2. – 2007.
11. *Марьясова Н. В.* Иностранный капитал на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. (концессии и концессионная политика Советского государства). Владивосток, 2001.
12. *Марьясова Н. В.* В русле директивной мысли // Дальневосточный ученый. – № 5. – 2002.
13. *Stephan J. J.* The Russian Far East. A History. – Stanford, California, 1993.
14. *Плеханов А. М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М: Изд-во Кучково поле, 2006.
15. *Мозохин О. Б.* ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. – М.: Изд-во Яуза; Изд-во Эксмо, 2002.
16. *Етихин А. Ю., Мозохин О. Б.* ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). – М.: Изд-во Кучково поле, 2007.
17. *Индустриализация Советского Союза*. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. – Ч. 2. – М., 2000.
18. *Марьясова Н. В.* Иностранный капитал на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. (концессии и концессионная политика Советского государства). – Владивосток, 2002.
19. *Государственный капитализм* в промышленности Дальнего Востока в переходный период от капитализма к социализму. – Владивосток, 1968.
20. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 43.
21. *ГАХК*. – Ф. 58. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 11.

22. РГИА ДВ. Ф.Р-2422. Оп.1. Д.881. Л.82.
23. *Марьясова Н. В.* Иностраный капитал на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. (концессии и концессионная политика Советского государства). – Владивосток, 1997.
24. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 376-377.
25. ГАХК. – Ф. 137. – Оп. 10. – Д. 106. – Л. 7.
26. *Лубянка.* Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Док. высш. органов партийной гос. власти / Январь 1922–декабрь 1936 / Под ред. А. Н. Яковлева. – М., 2002.
27. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 269.
28. *Иващенко В. А.* Антисоветские настроения населения (по мат-лам оперативных дан. ОГПУ ДВК) // Россия и АТР. – № 2. – 2007.
29. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 269.
30. ГАХК. – Ф. 137. – Оп. 10. – Д. 168. – Л. 119.
31. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 243. – Л. 109.
32. ГАХК. – Ф. 137. – Оп. 10. – Д. 101. – Л. 28.
33. ГАХК. – Ф. 137. – Оп. 10. – Д. 171. – Л. 295.
34. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 483. – Лл. 242–244, 259–263.
35. ГАХК. – Ф. 137. – Оп. 10. – Д. 10. – Л. 34.
36. ГАХК. – Ф. 137. – Оп. 10. – Д. 171. – Л. 78, 295.
37. ГАХК. – Ф. 137. – Оп. 10. – Д. 171. – Л. 295.
38. РЦХИДНИ. – Ф. 76. – Оп. 3. – Д. 317. – Л. 1. (авт.)
39. *Мозохин О. Б.* ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. – М.: Изд-во Яуза; Изд-во Эксмо, 2003.
40. *Марьясова Н. В.* В русле директивной мысли // Дальневосточный ученый. – № 5. – 2003.
41. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 483. – Л. 123.
42. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 65. – Лл. 266–267.
43. ГАХК. – Ф. 137. – Оп. 8. – Д. 3. – Л. 7, 289–290.
44. ГАХК. – Ф. 137. – Оп. 8. – Д. 3. – Л. 289–290.